

венного права, так и релятивизму постмодернизма, вновь разворачивая онтологический проект, в котором, однако, место метафизических представлений о существовании независимых моральных истин занимает акцент на опыте нашей собственной историчности. В этом смысле герменевтика Гадамера представляет собой своего рода онтологическую теорию естественного права, которая предполагает объективные основания морали и права в нашем фундаментальном опыте. В подобном ключе Ллойд Л. Вайнреб говорит об «утверждении реальности нашего морального опыта, не просто как субъективных чувств или убеждений, но как чего-то объективно реального, части того, что есть на самом деле» [11, с. 298]. Однако из этого опыта нельзя дедуцировать конкретные права и обязанности: речь идет, скорее, не о провозглашении моральных истин, а лишь о признании истинности морального опыта. Или, цитируя Фрэнсиса Дж. Мутса III, «ценой знания оказывается невозможность обретения всеобъемлющего, абсолютного знания; ценой объективного морального опыта оказывается вовлеченность в практический контекст и отказ от видения глазами Бога из ниоткуда» [12, с. 315–316].

Объективный моральный опыт, о котором идет речь, есть опыт взаимного признания. Будучи условием возможности всякого здорового опыта как опыта смысла, акт признания, вместе с тем, составляет основу права. Признать притязание Другого на истину – означает признать его равным себе в свободе и достоинстве. Необходимым условием такого признания выступает взаимность: для того, чтобы мои свобода и достоинство были признаны Другим, я должна признать его способность к признанию, то есть его свободу и достоинство. Непосредственным выражением этого взаимного признания являются права человека, которые гарантируют каждому минимальное публичное признание его равновсвободы и равнодостоинства. При этом ориентация признания двоякая – к Другому и к норме: я признаю норму путем признания обобщенного Другого, постоянно напоминающего мне о моих обязанностях по отношению ко всем другим людям, которые, в свою очередь, признают меня носителем прав¹.

Таким образом, значимость свободы и достоинства не просто постулируется конвенционально, но предполагается самой структурой опыта как способа нашего бытия в мире, структурой, суть которой состоит в открытости и готовности к признанию. В свою очередь, справедливость представляет собой интегральную ценность, призванную гарантировать равенство в свободе и достоинстве. Иными словами,

¹ Подробнее об опыте взаимного признания в праве см.: Сатохіна Н.І. Взаємне визнання у праві. Досвід неможливого // Філософія права і заг. теорія права. 2016. № 1–2.

идея справедливости одновременно описательна и нормативна, так как сущее и должное неизбежно сходятся в понятии опыта, или «kosmos лежит в нас самих» [13, с. 249]. Поняты таким образом свобода, достоинство, равенство и справедливость оказываются не просто ценностями, подлежащими правовой защите, а смыслами, которые конституируют право.

1. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М., 2010.
2. Габермас Ю. Постметафізичне мислення / пер. з нім. В.М. Купліна. Київ, 2011.
3. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В.И. Колядко. М., 2017.
4. Кебуладзе В. Феноменологія досвіду. Київ, 2012.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. СПб.: Наука, 2006.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. под общ. ред. Б.Н. Бессонова. М., 1988.
7. Loidolt S. Experience and Normativity: the Phenomenological Approach // Phenomenology and Experience: New Perspectives / A. Cimino, C. Leijenhorst (eds). Leiden, 2018.
8. Мерло-Понти М. Сомнения Сезанна // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М., 2017.
9. Арендт Х. Мы беженцы [Электронный ресурс] / пер. с англ. Е. Монастырского. URL: <http://gefeter.ru/archive/18962> (дата обращения: 12.03.2019).
10. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург, 2009.
11. Weinreb Lloyd L. Natural Law and Rights // Natural Law Theory: Contemporary Essays. Oxford, 1992.
12. Mootz F.-J. III. Law, Hermeneutics and Rhetoric. Burlington, 2010.
13. Weinreb Lloyd L. Natural Law and Justice. Cambridge ; London, 1987.

УДК 340.111.5

А.В. Скоробогатов, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин юридического факультета Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова;

А.И. Скоробогатова, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогической психологии и педагогики психологического факультета Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Современная правовая реальность России характеризуется транзитивностью и трансгрессивностью, которые выдвигают на первый план научных исследований правовой реальности не только онтологические, но и аксиологические аспекты [1]. Однако если проблема правовых

ценностей в целом имеет достаточно устойчивую исследовательскую традицию, то ценностное изучение отдельных компонентов правовой реальности пока еще не достаточно. Исходя из представлений о правовой реальности как сложноорганизованной моноуровневой системы объективных и субъективных правовых явлений, в ее структуре можно выделить несколько уровней: правотворчество, правореализацию, правовое поведение, правопонимание [2]. Наиболее противоречивым среди этих элементов является правовое поведение, включающее как нормативные, так и ценностные элементы [3].

Ценностная сторона правового поведения, по нашему мнению, является первичной, так как определяет характер интерпретации норм права и выбор конкретного варианта действий в той или иной ситуации – с одной стороны, отношение к этим действиям со стороны индивида, их совершившего, иных индивидуальных и коллективных субъектов – с другой. Господствующая система правовых ценностей определяет правовые качества индивида и характеризует степень его включенности в правовую реальность, внешним проявлением которой и будет выступать правовое поведение.

В связи с изложенным актуальным к рассмотрению является вопрос аксиологического исследования сущности и содержания правового поведения человека.

Правовые ценности сложным опосредованным образом включены в процесс детерминации правового поведения человека. Отражая характер общественного бытия, они являются внутренним побуждением субъекта к совершению определенных действий, которые направлены на удовлетворение индивидуальных и социальных интересов. Формирование человека как социального существа, его социальная адаптация и правовая идентификация предполагает детерминацию его поведения правовыми ценностями.

Формирование системы правовых ценностей происходит в процессе правовой социализации, прежде всего вторичной, при которой индивид осознанно осваивает правовые ценности, позволяющие ему идентифицировать себя с определенной социальной группой. При этом человек не только оценивает свои и чужие действия на соответствие правовым ценностям, но и строит свое поведение в ценностно определенных границах. Выступая необходимым условием социальной, в том числе правовой активности, человека, ценности определяют мотивацию правового поведения индивида [4, с. 46]. Это дает ему возможность стать не только полноценным членом группы, но и актором, влияющим на правовое бытие группы [5].

Именно правовые ценности выступают основой телеологической детерминации правового поведения человека. Ценностные ориентиры

носят объективно-субъективный характер; они определяют стандарты поведения человека как в контексте его правового статуса и выполняемой социальной роли, так и с точки зрения функциональных связей и характера внутригруппового правового взаимодействия. Цель, которую ставит субъект в процессе правового взаимодействия, всегда направлена на удовлетворение его индивидуальных интересов. Однако чем больше целеполагание носит ценностный характер, тем больше его корреляция с групповыми интересами.

Это позволяет определить правовое поведение как упорядоченную совокупность социально значимых деяний человека, обусловленных системой правовых ценностей и направленных на удовлетворение индивидуальных интересов с целью наступления социально полезного или допустимого результата. Тем не менее необходимо учитывать, что результат является социально полезным или допустимым не объективно, а субъективно: либо в контексте социальной системы правовых ценностей, либо с позиций индивидуальных ценностных ориентаций человека.

Содержание понятия правового поведения раскрывается через его признаки, имеющие ценностный характер [6].

В первую очередь в качестве признака необходимо отметить социальную значимость правового поведения. Поведение (даже пассивное) приобретает правовой характер в процессе взаимодействия между субъектами [7]. При этом характер взаимодействия определяется корреляцией индивидуальных и (или) социальных систем правовых ценностей субъектов. Чем ближе эти системы, тем более бесконфликтным является правовое взаимодействие. Это ярко видно на примере правовой идентификации, когда человек при вхождении в социальную группу воспринимает и воспроизводит ее ценностную систему [8].

С правовым взаимодействием связан и следующий признак – поведенческий, предполагающий, что правовое поведение всегда представляет собой деяние, внешне выраженное и имеющее влияние на других лиц и общественные отношения. Характер этого влияния будет определяться ценностными установками и социальной ролью человека, а также характером правовой коммуникации [9]. При горизонтальном характере коммуникации, когда субъекты имеют равные права и обязанности, они лишь обмениваются правовой информацией, включая ее ценностный компонент. При вертикальной коммуникации, построенной иерархически, адресант способен навязывать адресату собственную систему правовых ценностей, независимо от того происходит ли внутригрупповое правовое взаимодействие или межгрупповое.

Следующим признаком является регламентированность правового поведения, предполагающая закрепленность в нормах как позитивного,

так и неофициального права не только правил, но и ценностей. В совокупности это способствует определению границ поведения, которое признается правовым государством и (или) обществом (локальным сообществом).

Четвертым признаком является функциональный, предполагающий, что следствием правового поведения является возникновение, изменение или прекращение правоотношений. При этом характер трансформации правоотношений, их интерпретации и значение являются субъективными и зависят от индивидуальной и социальной системы правовых ценностей. Деяния человека, соответствующие нормам и ценностям, признаваемым обществом (локальной группой), способны влечь наступление позитивной ответственности и способствовать углублению его социальной адаптации и правовой идентификации. Следствием этого может быть усиление степени влияния индивида на функционирование правового пространства группы.

Пятый признак правового поведения носит психологический характер и связан с действительным или потенциальным проявлением воли человека. Правовые действия являются сознательными и волевыми, свидетельствуя о вовлечении индивида в процесс правового взаимодействия. При этом большую роль играет корреляция системы правовых ценностей субъектов взаимодействия. Чем выше степень их соответствия, тем менее явным для окружающих (выступающих в качестве интерпретатора) будет проявление воли человека в правовом взаимодействии. Однако для самого субъекта взаимодействия проявление воли является необходимым условием адекватной оценки обстоятельств и собственного поведения, вытекающего из них, но обусловленного индивидуальной системой правовых ценностей.

Указанные признаки определяют ведущий принцип правового поведения, имеющий ценностный характер, – принцип целесообразности, который очерчивает границы правового поведения, определяет направленность человека на соблюдение предписаний и запретов, стимулирует поиск оптимального варианта поведения и ориентирует на достижение бесконфликтного сосуществования в сообществе, с которым себя идентифицирует субъект. Сформированная в группе интерпретация принципа целесообразности включает нормы и ценности, соблюдение которых должно гарантировать правомерность поведения человека, его включенность в правовое пространство группы.

Правовое поведение представляет собой ценностно ориентированную систему, включающую знания о праве как регуляторе общественных отношений; понимание содержания (часто и сущности) норм права; представление о правах и обязанностях члена определенного соци-

ального сообщества (общество, социальная группа) и возможной ответственности за их нарушение; отношение к явлениям, которые являются или признаются в данном сообществе в качестве правовых; осуществление правовых деяний (в том числе юридически значимых в государственной системе правовых ценностей).

Правовые ценности наполняют поведение человека смыслом и призваны определять содержание правомерности его деяний. Позволяя индивиду рассматривать окружающий мир как правовую реальность, правовые ценности ориентируют его на совершение деяний, которые соответствуют нормативно-ценностной системе общества (социальной группы). Если нормы права непосредственно определяют дозволенные и запрещенные в обществе (группе) или государстве деяния, то ценности показывают сущностное основание целесообразной правовой деятельности человека. Тем самым ценностная ориентация выступает в качестве критерия правомерности поведения.

Однако одна и та же система правовых ценностей может являться основанием совершенно различных действий субъекта. Выбор конкретного варианта правового поведения определяется правовым опытом и носит ситуативный характер [10].

Часто субъект, руководствуясь индивидуальными или социальными ценностями, противоречащими ценностной системе позитивного права, совершает действия, которые для него являются правомерными или допустимыми, но выступают в качестве правонарушения законодательно. Так, переход дороги на красный сигнал светофора будет восприниматься вполне допустимым и даже правомерным, если он, с одной стороны, соответствует социальному правовому опыту, а с другой – является воспроизводством действий временно организованной группы людей, одновременно переходящих дорогу. При этом человека не заботит, что данное деяние в соответствии с Правилами дорожного движения является противоправным проступком, влекущим юридическую ответственность.

Традиционно правовое поведение классифицируют по отношению к правовой системе общества на правомерное (законпослушное) и противоправное (неправомерное, преступное), которые рассматриваются как парные правовые категории [11]. Однако данная классификация достаточно узкая и предполагает весьма условное отнесение к тому или иному виду отдельных правовых действий. Так, злоупотребление правом одни ученые относят к специфичному варианту правомерного поведения [12, с. 117]. Другие считают таковое противоправным [13, с. 9]. Третьи, в свою очередь, рассматривают его как особый вид правового поведения [14, с. 9].

Аксиологический подход позволяет подойти к классификации правового поведения расширено и максимально охватить различные его варианты в контексте как юридической деятельности, так и правосознания. В зависимости от степени готовности человека осуществлять свои правовые действия, руководствуясь ценностными ориентациями и установками, можно выделить три группы правового поведения: активное; обычное; пассивное. Данную классификацию можно распространить не только на правомерное, но и противоправное поведение, различия между которыми будут заключаться в мотивации, целеполагании и значении для общества.

Активное правовое поведение представляет собой целенаправленную инициативную деятельность человека, связанную с дополнительными расходами времени, энергии и материальных ресурсов. При этом данное поведение, способствуя удовлетворению социальных интересов, не всегда предполагает сиюминутную выгоду для субъекта, хотя в долгосрочной перспективе означает, что индивид воспринял социальную систему правовых ценностей, т. е. завершил социальную адаптацию и правовую идентификацию. К данному виду правового поведения можно, например, отнести социально активное поведение (правомерное поведение) и активное антисоциальное правовое поведение (неправомерное поведение). Сущность последнего заключается в том, что человек, руководствуясь индивидуальной системой правовых ценностей и стремясь к максимальному удовлетворению индивидуальных интересов (даже в случае их противоречия групповым и социальным), не только осознанно нарушает нормы права, но и активно ищет или сам создает такие ситуации.

Обычное правовое поведение заключается в повседневных действиях человека, связанных с соблюдением норм и ценностей позитивного и неофициального права. К данной группе можно отнести следующие виды правомерного поведения: законопослушное поведение (осознанное добровольное соблюдение человеком норм права и правовых ценностей, обусловленное высоким уровнем правосознания); привычное поведение (осуществляемое в рамках сформированной привычной деятельности личности по соблюдению норм права и правовых ценностей, при котором воспроизводство правовых идеалов является привычным действием); обыденное поведение (построенное на основе нравственных и (или) религиозных ценностей и норм, которые в определенной степени совпадают с господствующей системой правовых ценностей и основанной на них правовой системой); ситуативное поведение (характерное для лиц, не обладающих очерченной ценностно-правовой ориентацией, и совершающих правовые действия при совпа-

дении индивидуальных интересов с нормативными предписаниями в ситуативном контексте).

Обычное неправомерное поведение можно разделить на привычное поведение (характерно для субъектов, имеющих индивидуальную систему правовых ценностей, носящую антисоциальный характер, и нарушающих устоявшиеся нормы и ценности в силу привычки, приемлемости для достижения собственных интересов); случайное поведение (характерно для субъектов, которые, несмотря на наличие индивидуальной системы правовых ценностей, коррелирующей с социальной, совершают неправомерные деяния в силу мотивов эмоционального характера или легкомысленно-безответственного отношения к нормативно-ценностному порядку); ситуативное поведение (характерно для субъектов, обладающих индивидуальной системой правовых ценностей, носящей антисоциальный характер, и руководствующихся в своих действиях исключительно собственными ценностными установками, несмотря на их противоречие с правом); парциальное поведение (характерно для лиц, обладающих индивидуальной системой правовых ценностей, которая частично носит антисоциальный характер, и часто под влиянием эмоциональных мотивов совершающих правовые действия, противоречащие праву).

Пассивное правовое поведение выражается в том, что человек осознанно и добровольно уклоняется от использования своих прав и свобод. К этой группе можно отнести следующие виды правомерного поведения: конформистское поведение (характеризующееся низкой социальной активностью человека, его приспособленчеством, стремлением не отличаться в своем поведении от других субъектов, некритичным восприятием социальной системы правовых ценностей); маргинальное поведение (находящееся на границе правомерного и неправомерного, наличие у индивида системы ценностей, предполагающих совершение неправомерных деяний, отсутствие которых определяется страхом перед юридической ответственностью).

В свою очередь, конформистское неправомерное поведение предполагает действия индивида по соблюдению антисоциальных ценностей и норм преступной группы. Отсутствие у человека собственной позиции и пассивное отношение к существующему порядку вещей обуславливает, что индивид совершает неправомерные деяния, не задумываясь об их последствиях, стремясь к воспроизводству поведения лиц, которые воспринимаются им как авторитеты (способны не только руководить группой, но и в наибольшей степени соответствовать ценностному эталону).

Маргинальное противоправное поведение характерно для человека с неустойчивыми ценностными ориентациями и стремлением к удовлетворению исключительно индивидуальных интересов. Правомерность или неправомерность реализации интересов зависит от наличия санкции за нарушение нормы права, неотвратимости наступления наказания и знания индивидом этих последствий.

Таким образом, правовое поведение имеет ценностную окраску. Совершение человеком тех или иных действий в правовой сфере зависит от индивидуальной и социальной системы правовых ценностей, отношения к ним индивида и общества (социальной группы), правового статуса личности и выполняемой ею социальной роли. Классификация правового поведения на основании аксиологического подхода предполагает выделение активного, обычного и пассивного в зависимости от степени готовности человека осуществлять свои правовые действия, руководствуясь ценностными ориентациями и установками.

1. Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб. : Алегейя, 2018. 466 с.
2. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. 2017. № 7. С. 54–58.
3. Полонка І.А. Детермінація поняття поведінки: теоретико-правовий дискурс // Наук. вісн. Херсон. держ. ун-ту. 2014. Т. 1, вип. 6–1. С. 58–61.
4. Ивин А.А. Аксиология. М. : Высш. шк., 2006. 390 с.
5. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Вторичная правовая социализация как средство освоения правовых ценностей // История государства и права. 2018. № 2. С. 65–70.
6. Зорина Е.А. Правовое поведение личности в современном российском обществе // Новый взгляд. Междунар. науч. вестн. 2013. № 1. С. 202–208.
7. Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия : монография. М. : Проспект, 2016. 232 с.
8. Лановая Г.М. Правовая идентификация и правовая самоидентификация: содержание понятий // Междунар. журн. конституц. и гос. права. 2016. № 2. С. 57–60.
9. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты поведения М. : ЛКИ, 2007. 172 с.
10. Бабенко А.Н. Дуализм ценностных оснований правового поведения личности // Вестн. Юж.-Ур. гос. ун-та. Сер. «Право». 2016. Т. 16, № 2. С. 13–18.
11. Фролова Н.Ю. Правомерное и неправомерное поведение как парные юридические категории // Право и государство: теория и практика. 2010. № 1. С. 7–10.
12. Бару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса // Совет. государство и право. 1958. № 12. С. 117–120.
13. Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 26 с.
14. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 27 с.

УДК 340.1

А.Г. Тиковенко, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, судья Конституционного Суда Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

По мнению многих исследователей, в информационной среде наблюдается появление виртуальной личности (цифрового анонимного человека, имеющего только ник (прозвище)), что приводит к распаду человека: он удваивается, утраивается, становится множественным и в этом состоянии перестает быть личностью. В связи с этим возникают проблемы как с самоидентификацией личности, так и с ее отношением к правовой реальности, осознанной включенности в социальные, правовые отношения, что, в свою очередь, затрудняет развитие и формирование правовой идентичности, выработку и приобретение правовых качеств (совокупности прав, свобод и обязанностей, их зависимости), необходимых для человека юридического (*Homo juridicus*) как активного участника конституционных отношений, гражданина Республики Беларусь и члена правового гражданского общества. Только человек юридический способен осуществлять социально ответственную деятельность, выработать у себя конституционно ориентированное правосознание и овладеть конституционно правовым мышлением, испытывать чувство гражданственности и конституционного патриотизма.

Сегодня интернет, став неотъемлемой частью повседневной жизни, породил «электронного гражданина», который посредством использования интернет-технологий активно реализует свои права и исполняет обязанности, ведет блог (сетевой журнал или дневник событий) – новый инструмент современной демократии – демократии индивидов (или «нанодемократии»). В связи с этим на конституционном (законодательном) уровне требуется признание права на участие в информационной среде (право на доступ в интернет) в качестве одного из основных, фундаментальных прав человека, обеспечивающего полную реализацию основных прав и свобод в виртуальном пространстве. Право на доступ в интернет как новое основное право человека получило международное признание, а также закрепление в современной Конституции Непала (2015) и решениях органов конституционного контроля. Так, Конституционный Совет Франции отнес доступ в интернет